

ЧАСТЬ I

ПРОЛОГ

Он спал там, за дверью.

Внутри угловой шкаф пах старым деревом, пороховыми газами и оружейным маслом. Когда в окно комнаты снаружи светило солнце, через замочную скважину в дверце шкафа проникал тонкий лучик в форме конуса, а когда солнце светило под нужным углом, свет попадал на пистолет, лежащий на средней полке.

Пистолет был русской марки «одесса», копия более известного пистолета Стечкина.

Оружие это немало поскиталось на своем веку: переехало с кулаками из Литвы в Сибирь, кочевало из одной штаб-квартиры урок в другую по всей Южной Сибири, побывало в собственности у атамана, предводителя казаков, — он держал его в руках в тот миг, когда его застрелили милиционеры, — и только после этого оказалось у начальника тагильской тюрьмы, коллекционировавшего оружие. В конце концов этот страшный угловатый пистолет был привезен в Норвегию Рудольфом Асаевым, который до своего исчезновения монополизировал рынок наркотиков в Осло с помощью героиноподобного опиоида «скрипка». Оружие и теперь находилось в этом городе, а если точнее, то на улице Хольменколлвейен, в доме Ракели Фёуке. У «одессы» имелся магазин на двадцать патронов калибра «макаров» девять на восемнадцать миллиметров, из него можно было стрелять как одиночными, так и очередями. В магазине оставалось двенадцать патронов.

Три пули из этого пистолета были выпущены в дилеров из конкурирующей группировки косовских албанцев, причем только одна пуля попала в человеческую плоть.

Еще две пули убили Густо Ханссена, молодого вора и торговца наркотиками, укравшего деньги и дурь у Асаева.

Пистолет все еще хранил запах трех последних выстрелов, поразивших голову и грудь бывшего полицейского Харри Холе, который вел расследование убийства Густо Ханссена. Даже место совершения двух последних преступлений было одним и тем же: улица Хаусманна, дом 92.

Полиция еще не раскрыла убийство Густо, и восемнадцатилетний юноша, арестованный по подозрению в совершении этого преступления, был выпущен на свободу в частности из-за того, что полиция не нашла ни самого орудия убийства, ни связи между юношей и орудием убийства. Мальчишку звали Олег Фёуке. Он просыпался каждую ночь и, глядя в пустоту, слышал звуки выстрелов. Не тех, которыми он убил Густо Ханссена, а других. Тех, что были сделаны в полицейского, который заменил ему в детстве отца и когда-нибудь собирался жениться на его матери, Ракели. Харри Холе. Его взгляд горел в темноте перед глазами Олега. Юноша думал о пистолете в дальнем угловом шкафу и надеялся, что больше никогда в жизни его не увидит. Что его больше никто никогда не увидит. Что он почует в вечности.

Он спал там, за дверью.

Охраняемая больничная палата пахла лекарствами и краской. Аппарат рядом с кроватью регистрировал удары его сердца.

Исабелла Скёйен, член городского совета Осло, отвечающая за социальную политику, и Микаэль Бельман, новоиспеченный начальник полиции, надеялись, что больше никогда его не увидят.

Что больше никто его не увидит.

Что он почует в вечности.

ГЛАВА 1

Стоял теплый длинный сентябрьский день. Падающий на Осло-фьорд свет превратил его воды в расплавленное серебро и заставил запылать яркими красками луга, уже тронутые дыханием осени. Был один из тех дней, когда жители Осло клянутся, что никогда в жизни не переедут из этого города. Солнце вот-вот должно было сесть в районе Уллерна, и последние, почти горизонтальные его лучи скользили по окружающему пейзажу: по низким скромным доходным домам, свидетелям появления небогатого города; по дорогостоящим пентхаусам с террасами, продуктам нефтяной сказки, внезапно сделавшей эту страну одной из богатейших в мире; по торчкам в Стенс-парке, собиравшимся в хорошо организованном городе, где от передозировки наркотиками умирает больше людей, чем в других европейских городах, в несколько раз превосходящих его размерами. Лучи скользили по садикам, где на всех батутах были закреплены защитные сетки, а дети прыгали на них не больше чем по трое, как предписывала инструкция. А также по лугам и лесам, окаймлявшим так называемый Ослоский котлован. Солнце не хотело расставаться с городом, вытягивая пальцы-лучи подобно тому, как из окна поезда вытягивается рука в затаившемся прощании.

Начало дня ознаменовалось приходом холодного чистого воздуха и яркого, как в операционной, света. Со временем температура повысилась, небо приобрело глубокий голубой цвет, а воздух — ту приятную осязаемость, которая делает сентябрь лучшим месяцем в году. И когда мягко и осторожно опустились сумерки, в районе вилл на холмах вокруг озера Маридалсваннет запахло яблоками и теплой хвоей.

Эрленд Веннесла приближался к вершине последнего холма. Ощущая в мышцах молочную кислоту, он сосредоточился на том, чтобы жать на педали правильным движением сверху вниз, направляя при этом колени внутрь. Потому

что правильная техника крайне важна, особенно когда человек устал и мозг его стремится изменить положение тела так, чтобы переложить нагрузку на менее уставшие, но и менее эффективные мышцы. Он чувствовал, как жесткая велосипедная рама абсорбирует и использует каждый вдавливаемый в нее ватт, как при переключении на более высокую передачу происходит ускорение. Веннесла поднялся с сиденья и попытался сохранить неизменной частоту вращения педалей — девяносто нажатий в минуту. Он бросил взгляд на напульсник. Сто шестьдесят восемь. Веннесла направил свет фонаря на шлеме на экран GPS, прикрепленный к рулю. В него была закачана подробная карта Осло и окрестностей, и он был снабжен активным передатчиком. Велосипед и дополнительное оборудование стоили дороже, чем, строго говоря, мог потратить недавно вышедший на пенсию следователь по особо тяжким преступлениям. Но теперь, когда жизнь бросает другие вызовы, важно поддерживать хорошую физическую форму.

Небольшие вызовы, если быть честным.

Молочная кислота щипала бедра и ноги. Эти болезненные ощущения предвещали то, что произойдет потом. Праздник эндорфина. Ноющие мышцы. Чистую совесть. Пиво с женой на балконе, если после захода солнца не сильно похолодает.

И вдруг он оказался на вершине. Дорога теперь шла по равнине, а прямо перед ним раскинулось озеро Маридалсваннет. Веннесла сбросил скорость. Он был за городом. На самом деле немного абсурдно, что после пятнадцати минут быстрой езды на велосипеде из центра европейской столицы человек попадает на территорию, где его окружают хутора, поля, густой лес и туристы, исчезающие в вечернем мраке. Голова под велосипедным шлемом фирмы «Белл», стоявшим больше, чем детский велосипед, который он подарил на шестилетие внучке Лине Марии, чесалась от пота. Но

Эрленд Веннесла не снял шлема. Причиной большинства случаев гибели велосипедистов являются травмы головы.

Он посмотрел на напульсник. Сто семьдесят пять. Сто семьдесят два. Желанное дуновение ветерка принесло из города шум радостных криков. Наверное, со стадиона «Уллевол». Там сегодня вечером проходит международный матч то ли со Словакией, то ли со Словенией. На несколько секунд Эрленд Веннесла представил, что это кричат в его честь. Ему уже давно никто не аплодировал, в последний раз это случилось во время церемонии его проводов из Крипоса¹ в районе Брюн. Кремовый торт, речь шефа, Микаэля Бельмана, который с того времени твердым курсом двигался к посту начальника Полицейского управления Осло. А Эрленд принимал аплодисменты, ловил взгляды коллег, благодарил их и даже почувствовал першение в горле, когда собрался произнести свою короткую, насыщенную фактами благодарственную речь, как это было принято в Крипосе. В качестве следователя по особо тяжким преступлениям он переживал взлеты и падения, но ему удалось избежать больших ошибок. Однако, насколько ему было известно, стопроцентной уверенности в таких вопросах быть не может. Во всяком случае, теперь, когда далеко продвинулись технологии анализа ДНК и полицейское начальство послало сигнал, что они будут использованы для проверки кое-каких старых дел, существовал риск получить ответы. Новые ответы. Окончательные. Эрленд не возражал против использования новых технологий для расследования нераскрытых преступлений, но не понимал, зачем тратить ресурсы на копание в давно завершенных и закрытых делах.

Тьма сгустилась, и, хотя уличное освещение уже было включено, он чуть не проехал указатель поворота на лесную тропинку. Но указатель был на месте. На том самом, которое

¹ *Крипос* — Главное управление криминальной полиции Норвегии.

Эрленд помнил. Он свернул с дороги и оказался на лесной тропе, покрытой мягкой листвой. Он ехал медленно, но не терял равновесия. Столб света от фонаря на шлеме скользил по тропинке и исчезал за елями, что плотной стеной возвышались по обе стороны от Эрленда. Перед ним опасливо и торопливо проносились переменчивые тени, а потом неожиданно пропадали. Именно так он все себе и представлял, когда пытался поставить себя на ее место. Представлял, как она неслась с ручным фонариком в руках, сбежав из заточения, где ее три дня насиловали.

И когда Эрленд Веннесла внезапно увидел, как во мраке впереди него зажегся фонарик, он подумал, что это ее фонарик и что она снова бежит, а он гонится за ней на мотоцикле, чтобы поймать. Свет перед Эрлендом помигал, а затем упал прямо на его лицо. Он остановился, слез с велосипеда и направил свой фонарь на запястье. Уже меньше ста. Неплохо.

Он ослабил ремень шлема, снял его с головы и почесался. Господи, как же хорошо! Он погасил фонарь, повесил шлем на руль и покатил велосипед по направлению к свету, чувствуя, как шлем брэнчит и бьется о руку.

Перед поднятым фонариком Веннесла остановился. От колющих лучей заболели глаза. Ослепленный, он подумал, что все еще слышит свое тяжелое дыхание и странно, что пульс у него такой низкий. Ему почудилось движение, будто там, позади большого дрожащего круга света, что-то поднялось вверх. Он услышал свист, и в тот же миг ему в голову пришла удивительная мысль. Ему не стоило делать это. Не стоило снимать шлем. Причиной большинства случаев гибели велосипедистов...

Мысль его заклинило, словно произошел скачок во времени и он на мгновение утратил способность видеть.

Эрленд Веннесла удивленно посмотрел вперед, ощущая, как по его лбу бежит теплая капля пота. Он заговорил, но

слова были лишены смысла, как будто связь между мозгом и языком нарушилась. Он снова услышал тихий свист. А потом звук пропал. Все звуки исчезли, даже звук его дыхания. И он обнаружил, что стоит на коленях, а велосипед медленно заваливается в кювет. Перед ним плясал желтый свет, исчезнувший, когда капля пота достигла переносицы, стекла в глаза и ослепила его. И он понял, что это не пот.

После третьего удара он почувствовал, что ему в голову вонзилась сосулька и прошла через горло в туловище. Он похолодел.

«Я не умру», — подумал он и попытался поднять руку, чтобы защитить голову, но оказался не в состоянии пошевелить ни одной частью тела и понял, что парализован.

Четвертого удара он не заметил, но по запаху прелой листвы догадался, что упал на землю. Он несколько раз моргнул, и в один глаз вернулось зрение. Прямо перед собой он увидел пару стоящих в грязи черных испачканных сапог. Каблуки приподнимались, и сапоги отрывались от земли. И опускались обратно. Движения повторялись. Каблуки приподнимались, сапоги отрывались от земли. Как будто тот, кто бил его, прыгал. Прыгал, чтобы вложить в удары как можно больше силы. И последней мыслью, промчавшейся в мозгу Эрленда, было то, что ему нужно вспомнить, как зовут внучку, его внучку, ему необходимо сохранить в памяти ее имя.

ГЛАВА 2

Полицейский Антон Миттет вынул наполненный наполовину пластмассовый стаканчик из маленькой красной кофеварки «Несpresso Д290», наклонился и опустил его на пол — никакой мебели поблизости не было. Потом он перевернул вверх ногами продолговатую коробку, и в ладони

его оказалась новая капсула кофе. Он автоматически проверил, не повреждена ли у нее крышка, не была ли она уже использована, и вставил капсулу в кофеварку. Засунул под кран пустой стаканчик и нажал на одну из светящихся кнопок.

Машина дышала и стонала. Антон посмотрел на часы. Скоро полночь. Пересменка. Его ждали дома, но он посчитал, что должен объяснить ей круг обязанностей, она ведь всего-навсего студентка Полицейской академии. Силье — так, что ли, ее зовут? Антон Миттет уставился на кран. Стал бы он варить кофе коллеге-мужчине? Он не знал. Да и не все ли равно, он давно перестал отвечать себе на такие вопросы. Было так тихо, что он слышал, как последние, почти прозрачные капли падают в пластмассовый стаканчик. Из капсулы уже вышел весь вкус и запах, но ему было важно собрать все капли до единой, потому что девочке предстояло длинное ночное дежурство. Без компании, без происшествий, без всяких других занятий, кроме разглядывания неокрашенной голой бетонной стены Национальной больницы. Поэтому он решил перед уходом выпить с ней чашечку кофе.

Антон взял оба стаканчика и пошел назад. Звук его шагов отражался от стен. Он двигался мимо закрытых запертых дверей, зная, что за ними нет никого и ничего, кроме голых стен. Когда норвежцы возводили Национальную больницу, они в кои-то веки подумали о будущем, отдавая себе отчет в том, что их будет больше, они станут старше, будут больше болеть и требования их будут расти. Подумали на перспективу, как немцы со своими автострадами и шведы со своими аэропортами. Но испытывали ли те же чувства немногочисленные автомобилисты, в гордом одиночестве пересекавшие сельскую Германию по огромным бетонным дорогам в тридцатые годы, или шведские пассажиры, спешащие по преувеличенно большим залам Арланды в шестидесятые? Ощущали ли они присутствие призраков? Чувство-

вали ли они, что, несмотря на новизну и чистоту этих объектов, на то, что еще никто не погиб в автомобильной или авиационной катастрофе, там обитают призраки? И автомобильные фары в любой момент могут высветить стоящую на обочине семью, все члены которой без всякого выражения всматриваются в свет, окровавленные, бледные: отец, пронзенный насквозь, мать со свернутой набок шеей и ребенок с оторванными конечностями. А из-за пластиковой занавески транспортера, через которую багаж выезжает в зал прибытия аэропорта Арланда¹, может появиться обгорелый, все еще тлеющий труп, под которым плавится резина ленты, а в его открытых дымящихся челюстях замер безмолвный крик. Никто из врачей не мог сказать ему, для чего это крыло здания станет использоваться в будущем; единственное, что было точно известно: за этими дверьми будут умирать люди. Это уже носилось в воздухе, невидимые тела с неупокоившимися душами уже лежали здесь.

Антон завернул за угол, и перед ним возник еще один коридор, слабо освещенный и тоже пустой. Он имел настолько симметричную квадратную форму, что возникала оптическая иллюзия: казалось, что девочка в форме, сидящая на стуле в самом конце коридора, — это маленькая картинка на ровной стене.

— Вот, я тебе тоже принес кофе, — сказал он, подходя к ней.

Лет двадцать? Немного больше. Может, двадцать два.

— Спасибо, у меня с собой, — ответила она, вынимая термос из маленького рюкзачка, стоящего рядом со стулом.

В ее интонации прозвучал почти незаметный скачок, остаток диалекта, скорее всего северного.

— Этот лучше, — заметил Антон, по-прежнему протягивая ей кофе.

Она помедлила, а потом взяла стаканчик.

¹ Арланда — аэропорт Стокгольма.

— К тому же он бесплатный, — добавил Антон и тактично убрал руку за спину, прижав обожженные пальцы к холодной ткани пиджака. — У нас практически собственная кофеварка. Она находится в коридоре у..

— Я видела ее, когда пришла, — ответила она. — Но в инструкции написано, что мы ни на секунду не должны отходить от двери в палату пациента, поэтому я принесла кофе из дома.

Антон Миттет сделал глоток из своего пластикового стаканчика.

— Это хорошо. Но сюда ведет только один коридор. Мы находимся на четвертом этаже, между нами и кофеваркой нет дверей, ведущих на другие лестницы или выходы. Так что мимо нас невозможно проскользнуть, даже если мы пошли за кофе.

— Что ж, вы меня успокоили, но я, пожалуй, буду следовать инструкции.

Она быстро улыбнулась. А потом, возможно чтобы сгладить скрытое порицание, глотнула из стаканчика.

Антон почувствовал легкий укол раздражения и почти уже собрался сказать что-нибудь насчет самостоятельного мышления, которое приходит с опытом, но не успел до конца сформулировать свою мысль — его внимание привлекло кое-что в глубине коридора. Казалось, что в их сторону плывет по воздуху некое белое создание. Он услышал, как поднялась Силье. Создание приняло более определенную форму. Превратилось в полную блондинку в одежде медсестры. Антон знал, что сегодня ночью она дежурит, а завтра вечером свободна.

— Добрый вечер, — сказала медсестра с шутливой улыбкой, подняла вверх два шприца, подошла к двери и взялась за ручку.

— Подождите, — выступила вперед Силье. — Я должна внимательно прочитать ваше удостоверение. Вы знаете сегодняшний пароль?

Медсестра удивленно посмотрела на Антона.

— Если, конечно, мой коллега не позволит вам войти, — добавила Силье.

Антон кивнул:

— Конечно входи, Мона.

Медсестра открыла дверь, и Антон посмотрел ей вслед. В тускло освещенной палате ему были видны аппараты, окружающие койку, и пальцы ног, торчащие из-под одеяла. Пациент был так высок, что им пришлось искать для него особо длинную кровать. Дверь закрылась.

— Хорошо, — сказал Антон.

Он улыбнулся Силье и заметил, что ей случившееся не понравилось. Что она сочла его мужским шовинистом, только что поставившим оценку более молодой коллеге женского пола. Но она ведь студентка, черт возьми, и на практике должна набираться опыта у старших коллег. Он стоял, покачиваясь на каблуках, не зная, с какого конца начать. Девушка его опередила:

— Я уже говорила, что изучила инструкцию. А вас, наверное, дома ждут.

Он поднес пластиковый стаканчик к губам. Что она знает о его семейном положении? Не нафантазировала ли чего-нибудь насчет его и Моны? Например, что он пару раз подвез ее вечером домой и этим дело не кончилось?

— Наклейка с медвежонком на вашей сумке, — произнесла Силье, улыбаясь.

Антон сделал большой глоток. Кашлянул.

— У меня есть время. Поскольку это твое первое дежурство, ты можешь, пользуясь случаем, задать мне вопросы, если они у тебя есть. Не всегда все записано в инструкции, знаешь ли. — Он сменил тон, надеясь, что она услышит и поймет подтекст.

— Как хотите, — ответила Силье с той раздражающей самоуверенностью, какую могут позволить себе только люди моложе двадцати пяти. — Пациент в палате. Кто он?

— Этого я не знаю. Это тоже написано в инструкции. Он аноним и должен оставаться таковым.

— Но кое-что вы ведь знаете?

— Разве?

— Мона. Вы не станете называть человека по имени, если не общались с ним раньше. Что она рассказывает?

Антон Миттет посмотрел на нее. В общем-то, красивая, но нет в ней ни теплоты, ни шарма. Слишком худая на его вкус. С неприбранными волосами и приподнятой верхней губой, открывающей неровные передние зубы. Но она была молода. Тело ее под формой было крепким и тренированным, это он знал наверняка. Интересно, если бы он рассказал ей то, что знал, то по какой причине? Потому что бессознательно просчитал, что доброжелательность с его стороны повысит шансы переспать с ней с нуля до одной десятой процента? Или потому, что девочки вроде нее становятся старшими инспекторами или следователями по особо важным делам в течение пяти лет и когда-нибудь будут его начальницами, ведь он навсегда останется простым полицейским, поскольку драмменское дело ему не забудут, оно как стена, как пятно, которое невозможно вывести.

— Покушение на убийство, — сказал Антон. — Потерял много крови. Говорят, при поступлении в больницу у него едва прощупывался пульс. Все время пролежал в коме.

— Зачем его охраняют?

Антон пожал плечами:

— Потенциальный свидетель. Если выживет.

— Что он знает?

— Дела с наркотиками. На высоком уровне. Если он очнется, то, вполне вероятно, сможет привязать важных людей к трафику наркотиков в Осло. Плюс расскажет, кто хотел его убить.

— Значит, убийца может вернуться, чтобы закончить свою работу?

— Если узнает, что он выжил и где он находится, то может. Поэтому мы здесь.

Она кивнула:

— А он выживет?

Антон покачал головой:

— Они считают, что смогут поддерживать в нем жизнь в течение нескольких месяцев, но шансы, что он выйдет из комы, очень малы. И все же... — Антон снова сменил тон, ее пристальный взгляд был ему неприятен. — До тех пор его будут охранять.

Когда Антон Миттет уходил, ему казалось, что он потерпел поражение. Он спустился по лестнице из приемного покоя и шагнул в осенний вечер. Только усевшись в машину на парковке, он заметил, что мобильный телефон вибрирует.

Звонили из оперативного центра.

— Маридален, убийство, — сказал ноль-один. — Знаю, ты уже сдал вахту, но нужна помощь в оцеплении места преступления. А поскольку ты в форме...

— Сколько времени это займет?

— Ты освободишься максимум через три часа.

Антон удивился. В последнее время делалось все, чтобы избавить полицейских от сверхурочной работы. Даже практические соображения не могли победить строгие правила в сочетании со скромным бюджетом. У него мелькнула мысль, что в этом убийстве должно быть что-то особенное. Он надеялся, что убили не ребенка.

— Хорошо, — ответил Антон Миттет.

— Высылаю GPS-координаты.

Это было новшеством: подробные GPS-карты Осло и окрестностей и активные передатчики позволяли операционному центру определить местоположение каждого сотрудника. Ему и позвонили потому, что он был ближе всех.

— Отлично, — сказал Антон. — Три часа.

Лаура уже легла, но она любит, когда он быстро возвращается домой после смены, поэтому Антон послал ей эсэмэску, завел двигатель и поехал по направлению к озеру Маридалсваннет.

Антону не надо было сверяться с GPS-картой. У въезда на улицу Уллеволсетервейен были припаркованы четыре полицейские машины, а чуть дальше дорогу указывали оранжево-белые ленты оцепления.

Антон вынул фонарик из бардачка машины и подошел к полицейскому, стоявшему с наружной стороны оцепления. Он увидел мечущиеся по лесу огоньки фонариков и лампы криминалистов, всегда напоминавшие ему о съемках кино. И это было не так далеко от истины: в наши дни криминалисты не только делали обычные фотографии, но снимали на HD-камеру как жертв, так и все место преступления, чтобы потом при необходимости можно было сделать стоп-кадр какой-нибудь детали, при первичном осмотре показавшейся незначительной, и увеличить его.

— Что случилось? — спросил он у полицейского, который стоял перед лентой оцепления, обхватив себя руками, и трясся.

— Убийство, — невнятно произнес полицейский.

На его мертвенно бледном лице выделялись покрасневшие глаза.

— Слышал. Кто здесь старший?

— Криминалисты. Лённ.

Антон услышал доносившийся из леса шум голосов. Их было много.

— Из Крипоса или убойного отдела никого?

— Люди подъедут, труп нашли совсем недавно. Ты меня приехал сменить?

Еще люди. И тем не менее его вызвали работать сверхурочно. Антон внимательнее пригляделся к полицейско-

му. На нем была толстая куртка, но трясся он все сильнее. А ведь на улице даже не было холодно.

— Ты первым приехал на место преступления?

Полицейский молча кивнул и опустил глаза, сильно топнув ногой по земле.

«Черт, — подумал Антон. — Ребенок». Он сглотнул.

— Эй, Антон, тебя прислал ноль-один?

Антон поднял глаза. Он не слышал, как эти двое вышли из чащи леса. Он уже раньше видел, как криминалисты передвигаются по месту преступления. Они были похожи на располневших танцоров, которые уворачиваются абсолютно от всех предметов и ставят ноги на землю, как астронавты на лунную поверхность. А может быть, такую ассоциацию вызывали их белые огромные костюмы.

— Да, я должен кого-то сменить, — ответил Антон женщине.

Он прекрасно знал, кто она такая, да и все знали. У Беаты Лённ, начальницы криминалистического отдела, была репутация этакого «человека дождя» в женском обличье из-за ее памяти на лица, благодаря которой по нечетким изображениям с камер наблюдения удалось идентифицировать не одного грабителя. Говорили, что она могла узнать даже хорошо замаскированного грабителя, если раньше он уже представлялся перед судом, и что в ее маленькой белокурой головке содержится база данных из нескольких тысяч полицейских фотографий преступников. Так что в этом убийстве наверняка было что-то особенное, начальников посреди ночи на выезд не посылают.

Рядом с бледным, почти прозрачным лицом миниатюрной женщины физиономия ее коллеги, казалось, пылала румянцем. Два ярко-рыжих полукружия бакенбардов обрамляли веснушчатые щеки, глаза слегка выпирали из орбит, словно давление изнутри было слишком высоким, и это придавало всему лицу глуповатое выражение. Но самой уди-

вительной была шапка, которая стала видна после того, как мужчина снял с себя белый колпак: огромная растаманская шапка в цветах Ямайки, зелено-желто-черная.

Беата Лённ положила руку на плечо трясущегося полицейского:

— Тогда можешь ехать домой, Симон. Никому не говори, что это я посоветовала, но рекомендую тебе принять порцию крепкого алкоголя и лечь спать.

Полицейский кивнул, и через три секунды его сутулую спину поглотила тьма.

— Так страшно? — спросил Антон.

— Кофе у тебя нет? — спросил Растаманская Шапка и открыл термос.

По нескольким произнесенным словам Антон понял, что Шапка не из Осло. Наверняка из деревни, но, как и большинство жителей городов Восточной Норвегии, Антон не особенно разбирался да и не стремился разобраться в диалектах.

— Нет, — ответил Антон.

— Неплохо прихватить своего кофейку на место преступления, — сказал Растаманская Шапка. — Не знаешь ведь, сколько времени здесь придется торчать.

— Ладно тебе, Бьёрн. Он уже работал по убийствам, — произнесла Беата Лённ. — Драммен, верно?

— Точно, — ответил Антон, покачиваясь на каблуках.

Чуть-чуть поработал с убийствами, было бы точнее. И к сожалению, он догадывался, откуда Беата Лённ его помнит. Он сделал вдох:

— Кто обнаружил труп?

— Вот он, — ответила она, кивнув в направлении полицейского автомобиля, у которого в тот же миг взревел двигатель.

— Я хотел спросить, кто нашел труп и сообщил о нем.

— Да женушка его брякнула нам, когда он не явился домой после катания на велике, — произнес Растаманская

Шапка. — Собирался всего с часок покрутить педалями, она и испугалась, что у него сердечко крякнулось. Но он прихватил с собой GPS с передатчиком, так что его быстро нашли.

Антон медленно кивал, мысленно представляя картину. Двое полицейских, женщина и мужчина, звонят в двери дома. Полицейские откашливаются и смотрят на жену погибшего серьезным взглядом, который должен поведать ей то, что скоро они сообщат словами, невозможными словами. Лицо жены, глядящей на полицейских: она не хочет, но все-таки выворачивает душу наизнанку и показывает им все свои эмоции.

В памяти всплыло лицо Лауры, его собственной жены.

К ним плавно подъехала «скорая» с выключенными сиреной и мигалкой.

Антон сообразил. Быстрая реакция на обычное сообщение об исчезновении человека. GPS с передатчиком. Прибытие начальства. Сверхурочные. Коллега, которого так трясло после обнаружения тела, что его пришлось отправить домой.

— Это полицейский, — тихо сказал он.

— Думаю, что здесь температура воздуха была градуса на два с половиной ниже, чем в городе, — произнесла Беата Лённ, набирая номер на мобильном телефоне.

— Точно, — подтвердил Растаманская Шапка, глотнув кофе из крышки термоса. — Цвет кожных покровов еще не изменился. Значит, где-то между восемь и десятью?

— Это полицейский, — повторил Антон. — Поэтому приехали все, так ведь?

— Катрина? — заговорила Беата. — Сможешь проверить для меня кое-что? Речь о деле Сандры Тветен. Правильно.

— Вот блин! — воскликнул Шапка. — Я же просил их подождать, пока не привезут мешки для трупов.

Антон повернулся и увидел вылезающих из чащи леса двух мужчин с носилками криминалистической группы. Из-под покрывала торчала пара велосипедных кроссовок.

— Он знал его, — догадался Антон. — Именно поэтому его так трясло?

— Он сказал, что они вместе пахали в Экерне до того, как Веннесла перешел в Крипос, — произнес Растаманская Шапка.

— А какая там дата? — спросила Беата по телефону.

Раздался возглас.

— Да что же это... — простонал Шапка.

Антон повернулся. Один из носильщиков соскользнул в кювет. Столб света от его налобного фонаря метнулся к носилкам и покрывалу, упавшему на землю. По... по чему? Антон вгляделся. Это что, голова? То, что венчает предмет, ранее несомненно бывший человеческим телом, — неужели это и вправду голова? За годы, что Антон проработал в отделе по особо тяжким преступлениям до совершения большой ошибки, он повидал множество трупов, но ни один из них не выглядел так, как этот. Субстанция, формой напоминавшая песочные часы, навела его на мысли о воскресном завтраке, о сваренном Лаурой всмятку яйце с остатками скорлупы, треснувшем так, что желток вытек и размазался по загустевшей, но все еще мягкой поверхности белка. Неужели это действительно... голова?

Антон стоял в темноте и моргал, глядя на удаляющиеся фары «скорой». И он понял, что это повтор, что такое он уже видел. Одетые в белое фигуры, термос, ноги, высовывающиеся из-под покрывала, — все это он только что видел в Национальной больнице. Как будто это было предзнаменование. Голова...

— Спасибо, Катрина, — сказала Беата.

— Ну так что? — осведомился Шапка.

— Я работала здесь с Эрлендом, — произнесла Беата.

— Здесь? — спросил Шапка.

— Прямо здесь. Он отвечал за тактику. Это было лет десять назад. Сандра Тветен. Изнасилование и убийство. Совсем ребенок.

Антон сглотнул. Ребенок. Повторы.

— Помню то дельце, — сказал Растаманская Шапка. — Удивительная судьба: погибнуть на месте преступления, которое сам расследовал, только подумай. Та история с Сандрой тоже ведь осенью случилась?

Беата не ответила, только задумчиво кивнула.

Антон моргал и моргал. Этого не может быть, он уже видел похожий труп.

— Вот блин! — воскликнул Шапка. — Ты же не хочешь сказать, что...

Беата Лённ взяла из его рук крышку термоса. Глотнула кофе. Протянула чашку обратно. Кивнула.

— Твою мать, — прошептал Шапка.

ГЛАВА 3

— Дежавю, — сказал Столе Эуне, глядя на снежную вьюгу, разразившуюся над улицей Спурьвейсгата, где мгла декабрьского утра собиралась уступить место короткому дню. Он повернулся к человеку, сидевшему на стуле у письменного стола. — Дежавю — это ощущение, будто ты видишь то, что уже когда-то видел. Мы не знаем, что это такое.

Под «мы» он подразумевал всех психологов, а не только психотерапевтов.

— Некоторые считают, что, когда мы устаем, начинаются задержки с передачей информации в часть мозга, отвечающую за сознание, так что эта информация добирается до сознания, какое-то время пробыв в подсознании. И мы воспринимаем этот факт как узнавание. Связь с усталостью может объяснить, почему чаще всего дежавю случается в конце рабочей недели. Но это, пожалуй, все, что известно науке. Что пятница — это день дежавю.

Возможно, Столе Эуне ожидал увидеть улыбку. Не потому, что улыбка что-то значила для его профессиональных

усилий помочь людям починить себя, а потому, что она была нужна в этой комнате.

— Я говорю не о таком дежавю, — сказал пациент.

Заказчик. Клиент. Человек, который приблизительно через двадцать минут оплатит в приемной свой визит и тем самым поможет покрыть общие расходы пяти психологов, занимающих каждый свой кабинет в четырехэтажном здании и вместе с тем несовременном здании на улице Спурьвейсгата в не самой модной части западного Осло. Столе Эуне тайком бросил взгляд на часы, висящие на стене за спиной мужчины. Восемнадцать минут.

— Это как сон, который я вижу снова и снова.

— Как сон?

Взгляд Столе Эуне вновь скользнул по газете, лежащей в открытом ящике письменного стола так, чтобы пациент ее не видел. Большинство терапевтов в наше время сидят на стуле прямо напротив клиента, поэтому, когда в кабинет Столе втиснули огромный письменный стол, ухмыляющиеся коллеги сообщили ему, что современная теория психотерапии советует устанавливать как можно меньше физических преград между терапевтом и пациентом. Столе ответил кратко: «Возможно, так лучше для пациента».

— Это сон. Я вижу это во сне.

— Повторяющиеся сны — обычное явление, — сказал Эуне и провел рукой по лицу, скрывая зевок.

Он с тоской подумал о старом добром диване, который вынесли из его кабинета в общую приемную, где он вместе со штангой на опорных стойках являл собой некую психотерапевтическую шутку. Когда пациент сидел на диване, Эуне было значительно легче читать газеты.

— Но я больше не хочу видеть этот сон.

Слабая самоуверенная улыбка. Редкие, хорошо подстриженные волосы.

«Добро пожаловать к изгоняющему сны», — подумал Эуне и попытался так же слабо улыбнуться в ответ. На пациенте были костюм в тонкую полоску, галстук в серых и розовых тонах, начищенные черные ботинки. Сам Эуне был одет в твидовый пиджак, под двойным подбородком у него была повязана веселенькая бабочка, а его ботинки уже давно не встречались с обувной щеткой.

— Может быть, вы расскажете, о чем этот сон?

— Я только что рассказал.

— Да, но не могли бы вы привести больше подробностей?

— Как я уже говорил, он начинается с того места, на котором заканчивается «Dark Side of the Moon»¹. Дэвид Гилмор допекает песню «Eclipse»²... — Мужчина напряг губы, после чего перешел на такой манерный английский, что Эуне буквально видел, как к этим поджатым губам приближается чашка с чаем: — «And everything under the sun is in tune but the sun is eclipsed by the moon»³.

— И об этом ваш сон?

— Нет! Да. В общем, в действительности альбом заканчивается так же. Оптимистично. После сорока пяти минут смерти и безумия. И ты думаешь, что все закончилось хорошо. Снова везде царит гармония. Но когда музыка затихает, на заднем плане можно расслышать голос, который что-то бормочет. Для того чтобы разобрать слова, надо врубить звук на полную катушку. И тогда они становятся очень хорошо слышны: «There is no dark side of the moon, really. Matter of fact, it's all dark»⁴. Она вся темная. Понимаете?

— Нет, — ответил Эуне.

¹ «Темная сторона Луны», альбом группы «Пинк Флойд».

² «Затмение» (англ.).

³ «И все под солнцем находится в гармонии, но луна затмевает солнце» (англ.).

⁴ «На самом деле нет никакой темной стороны луны. В действительности она вся темная» (англ.).